

Увидев сон о прошлой жизни, Лун Сяюань упал духом и последующие несколько дней ходил крайне задумчивый, подавленный. Ши Цинчжоу, так как его не было рядом, не мог отвлечь правителя от дурных мыслей, тем самым позволив ему упасть в пучины грусти.

Считая дни до возвращения императрицы, Лун Сяюань казался все более печальным. Предчувствуя нечто подобное, вернувшись на постоянный двор, первым делом Ши Цинчжоу осведомился у теневого стража о настроении императора. Подчиненный честно рассказал о подавленности монарха. Воин списал настроение возлюбленного на собственную дерзость. В конце концов, он покинул императора даже не попрощавшись. Но поднявшись в комнату и увидев Сяюаня воочию, понял — не все так просто.

— Цинчжоу? — казалось искренне удивился император.

— Угу.

Монарх рывком поднялся со стула и вымученно, горько улыбнулся:

— Ты, наконец-то, вернулся?

Воин широкими шагами подошел к возлюбленному и как можно нежнее произнес:

— Да, вернулся. Ты сильно злишься?

— Нет, — отвел взгляд правитель, — не думай об этом.

Реакция супруга ни капли не порадовала генеральского сына. Он сурово нахмурился, пытаясь уловить настроение императора. Уходя на рассвете, он думал, что Сяюань разозлится, думал, что ему предстоит скандал, а не вялое приветствие. Цинчжоу не ожидал найти супруга столь подавленным, несчастным. Ощущения подсказывали императрице, это не просто опустошение после долгого гнева, с мужчиной что-то случилось!

— Что с тобой? — не мог не спросить Цинчжоу.

— Ничего, — поджал губы монарх, — просто нет настроения.

— Это из-за моего отъезда? — глубоко вздыхая, осторожно поинтересовался молодой человек.

— Нет, — качнул головой Сяюань. — Просто увидел не очень счастливый сон.

Воин замер, никак не ожидая получить такой ответ:

— Не очень счастливый сон?

— Угу... — горько усмехнулся правитель, словно все еще пребывал мыслями в том видении собственных похорон.

— Что ты видел? — насторожился Цинчжоу.

Лун Сяюань не знал, как рассказать о своей прошлой жизни. Более того, он никогда не собирался поднимать эту тему, поэтому и сейчас только беспомощно покачал головой.

Во взгляде императрицы промелькнуло что-то по-настоящему жестокое. С особой настойчивостью молодой человек спросил вновь:

— Что такого тебе приснилось, что ты не можешь рассказать об этом мне?

Чувствуя, что Цинчжоу не в настроении и их нелепая беседа может завершиться ненужной ссорой, Сяюань тихо, с оттенком ворчания, расплывчато пояснил:

— Не знаю, как объяснить... просто не знаю, пожалуйста, не сердись.

Вид совершенно потерянного, печального супруга заставил воина сменить гнев на милость. Сделав шаг к возлюбленному, Цинчжоу поймал его рассеянный взгляд и ласково повторил вопрос:

— Скажи, что тебе приснилось?

— Я увидел... как все мои близкие ушли...

Генеральский сын улыбнулся:

— Покойный император?

— Нет... — с трудом подбирая слова, тихо выговаривал монарх, — моя мать... все они...

— Покойная императрицы? — задумался Цинчжоу. — Но у тебя все еще есть я, разве нет?

Шумный выдох облегчения, казалось, вернул Лун Сяюаня в эту реальность. Он обнял супруга, нежно прижал его к себе:

— Верно, у меня все еще есть ты. Ты рядом, Цинчжоу.

Взгляд императрицы лишился жестоких ноток, оттаяв в объятиях возлюбленного. Обнимаясь, они простояли еще какое-то время, прежде чем император отступил.

— Цинчжоу, ты принял все необходимые лекарства?

— Да, я взял с собой Чжан Юаня. Его лекарства вывели оставшийся яд.

Император долго и пристально смотрел на непослушного супруга с толикой печали на лице:

— Я еще не свел с тобой счеты за побег.

— Но разве я не вернулся? — невинно моргнула императрица.

— И хочешь сказать, это все решает? — недовольно насупился монарх, с укоризной смотря на возлюбленного.

Ши Цинчжоу и сам понимает, что поступил неправильно, поэтому признание вины далось ему легче, чем могло показаться:

— Прости, в этот раз я и правда виноват.

— Хорошо, что ты признаешь вину, — фыркнул мужчина.

— Ну... — почесал нос воин.

Лун Сяюань нашел поведение собеседника немного забавным, поэтому ущипнул того за щеку. Не сказать, что Цинчжоу это понравилось. Едва заметно нахмурившись, чувствуя себя немного

не в своей тарелке, он все же не посмел отстраниться или оттолкнуть императора.

— На этот раз я тебя прощаю, — серьезный взгляд подчеркивал вес слов. — Но это было на грани.

Цинчжоу не нашелся с ответом и, почесывая нос, отвел взгляд. Вскоре почувствовав, как супруг берет его за руку и предлагает присесть на одной из резных скамеек. Решив, что со своеобразным приветствием покончено, воин в деталях рассказал правителю о своей вылазке, о том, как им одолжили армию.

— Значит, войско разделилось на части и тайно следует к границам Шуанхуа? — задумался Сяюань.

— Верно, поверь, они опытные бойцы, и никому не позволят себя обнаружить.

Император протяжно вздохнул:

— На этот раз тебе пришлось нелегко, Цинчжоу.

— Ты больше на меня не злишься? — изогнула бровь императрица.

— Да как бы я посмел? — закатил глаза монарх.

Ши Цинчжоу смотрел на супруга так, словно искал подвох. Разве несколько минут назад он не нашел возлюбленного абсолютно потерянным, потом, разве не он смотрел на воина, словно собирался выпороть?

Прочтя искренние эмоции Цинчжоу, Сяюань тихо посмеялся:

— Кто разрешал тебе уходить не попрощавшись?

Более не желая возвращаться к скользкой теме, Цинчжоу выпалил:

— Я проголодался.

— Хорошо, тогда я попрошу накрыть на стол.

Ши Цинчжоу кивнул и тайно наблюдал за тем, как Лун Сяюань начал суетиться. Он не выбросил из памяти вид потерянного, лишенного воли к жизни императора. Такой Лун Сяюань невольно вызывал в нем неприятие и страх. Понурый Сяюань, казалось, отдаляется от него, находится где-то не здесь. Цинчжоу едва улавливал ощущение его присутствия и это ему не понравилось. Он не знаком с тем императором. И не хочет думать о содержании того странного сна. Воин чувствует, что вещие сны монарха полны недоступных тайн, также он чувствует, что разузнав те секреты вряд ли останется доволен, поэтому не допытывается до правды. Сяюань не скрыл бы от него чего-то по-настоящему важного, так что неведение, наверное, хорошо для них обоих. Главное, что Сяюань вернулся к своему прежнему поведению. Главное, что он вернулся к Цинчжоу.

Следуя инстинктам, императрица повиновалась желанию супруга, не углублялась в то, что может им навредить. Если быть до конца откровенным, Цинчжоу лишь хочет быть рядом с Лун Сяюанем. На подсознательном уровне знает, что пока он рядом, тот потерянный, непойманный, незнакомый император никогда не появится. Цинчжоу никогда не отпустит супруга.

После еды Лун Сяююань окончательно пришел в себя и в хорошем настроении отправился с Ши Цинчжоу на местный рынок. Император не изменил своей привычке покупать безделушки. Все что казалось ему интересным или необычным, все, что подходило возлюбленному было немедленно куплено. Так что через двадцать минут прогулки Ши Цинчжоу получил несколько маленьких подарков. И пусть в его глазах то были бесполезные вещи, едва ли достойные внимания мелочи, генеральский сын прятал за снисходительной улыбкой смущение. Забота возлюбленного трогала молодого человека до глубины души. Ведь это значит, что Сяююань думает о нем, не так ли?

Ши Цинчжоу принял подарки, сопровождая возлюбленного в прогулке по маленькому городу. Когда император устал и захотел вернуться на постоянный двор, на рыночной улице стало слишком шумно. Супруги обернулись к источнику суматохи и увидели мужчину средних лет, что без зазрения совести пинками избивал чумазого сироту не более восьми лет от роду.

Взгляд императора потяжелел. Никого не спрашивая, Лун Сяююань прошел к возмутителям спокойствия. Цинчжоу, нахмурившись, пошел за ним.

— Да как ты посмел украсть у меня деньги? Смерти ищешь?! — в очередной раз пнув попрошайку, взревел мужчина.

Зрителей у нелюбимого представления нашлось немало, но никто не собирался вмешиваться в чужие разборки.

— Он в самом деле что-то у тебя украл? — проговорил Сяююань, перехватив руку разъяренного мужчины. Пусть его боевые искусства далеко не так хороши, как навыки Цинчжоу, в сравнении с этим крикливым здоровяком, император почти мастер. Он болезненно крепко сжал руку мужчины, заставляя его отвлечься от ребенка.

Настроение Ши Цинчжоу испортилось. Ему не понравилось, с какой легкостью Сяююань коснулся чужого. Никто не смеет пачкать его императора! Повинуясь мимолетному порыву, Цинчжоу подошел и потянул Сяююань за подол рубашки.

— Что случилось? — обернулся император, отпуская крикуна. Дабы уделить внимание возлюбленному, монарх неосознанно отошел от мужчины, чем успокоил возлюбленного.

Цинчжоу, покачав головой, обратил внимание на маленького нищего попрошайку:

— Ты что-то у него украл?

— Нет, господин! — поднял голову мальчишка. Несмотря на налипшую грязь и смуглую от постоянного загара кожу, лицо мальчика можно было назвать миловидным, в будущем он может стать настоящим красавцем.

— Значит, не крал? — изогнула бровь императрица. — Почему же люди говорят обратное?

— Я действительно ничего не крал, — взмолился нищий.

— Ты единственный, кто так близко ко мне подходил, — фыркнул мужчина, — кто, если не ты?

— Я лишь хотел попросить еды, я не крал! — с тревогой выпалил мальчишка, смотря то на Ши Цинчжоу, то на Лун Сяююаня, надеясь, что они спасут его от побоев.

— Такой маленький, где бы он его прятал. Ладно, это легко проверить, — воин дал знак

теневого стражу и тот появился на публике, быстро и умело обыскав беспризорника.

— При нем ничего нет.

По собравшейся толпе пробежал взбудораженный шепоток.

— Может быть, при нем и нет моего кошелька, — не унимался крикун. — Значит, он его спрятал! Кто ему поверит, ну?! Точно, — указал он на императора, — вы работаете вместе и помогаете прятать кошельки честных граждан!

Во взгляде теневого стража промелькнуло нечто недоброе, и в следующее мгновение щека крикуна сотряслась от мощной пощечины. Мужчина никак этого не ожидал и пошатнулся. Шокированный и оскорбленный, он осел.

Остальные, понимая, что связываться с неизвестными гостями городка себе дороже, поспешили разойтись по своим делам. Никому не хотелось получить следующую оплеуху.

— Вы! Да, вы! — указывал пальцем мужчина. — Я буду жаловаться префекту! На вас найдут управу!

Теневой страж усмехнулся, рывком поднял крикуна на ноги и бесцеремонно того обыскал.

— И что же это? — в руках стража красовался мешочек с серебром.

— Моё серебро! Моё! — вспыхнули глаза мужчины.

— Хочешь сказать, взял с собой два кошелька?

— И что в этом такого? — почти рычал избитый. — Это не ваше дело, могу хоть с тремя ходить! Никто мне не указ!

Страж не собирался вступать в бессмысленный спор и, ожидая приказа, посмотрел на господ.

Лун Сяюань недобро прищурился и равнодушно отчеканил:

— Раз он так хочет поговорить с префектом, то бросьте его к нему на порог.

Крикун переменялся в лице и, видимо, хотел что-то сказать, но теневой страж подхватил его за шкуру и, используя легкий шаг, направился к дому префекта.

На улице стало тише. Лун Сяюань взглянул на грязного нищего и вдруг получил озарение. Он присел перед мальчиком на корточки и вкрадчиво поинтересовался:

— У тебя есть кто-нибудь из родни? Дом?

— Больше нет, господин, — покачал головой мальчишка. — Все мои родные умерли, остался только я.

— Тогда, — ласково, едва заметно улыбнулся император, — может, ты хотел бы пойти со мной?

— Господин, вы хотите взять меня к себе? — загорелись глаза попрошайки.

— Да, поэтому идем со мной.

Нищий, не раздумывая, согласился, а Лун Сяюань, немного подував, спросил еще кое-что:

— В городе много, таких как ты, детей?

Мальчишка, задумавшись, замер.

— Примерно того же, что и ты, возраста? Сироты, чьи родители и старшие умерли? Я могу забрать вас всех.

Счастью мальчишки не было предела:

— Да, господин! У меня есть такие же друзья!

— Тогда позови их всех.

— Господин, — замялся мальчишка, — с нами живет несколько старушек, могут ли они пойти с нами?

Лун Сяюань подумал, прежде чем кивнуть:

— Конечно, почему бы и нет.

Мальчишка подпрыгнул от радости и на скорости метеора бросился искать маленьких попрошаек. Лун Сяюань приказал одному из теневых стражей последовать за ним.

Представление кончилось, люди разошлись по своим делам. Только тогда Ши Цинчжоу осмелился спросить:

— Что ты задумал?

— Поговорим, когда вернемся, — мягко отказался от разговора император.

Воин только прищурился — ничего не сказал, последовал за супругом на стоялый двор, но как только двери за ними закрылись, набросился на правителя с вопросами:

— Теперь мы можем поговорить?

— Эти дети как раз в том возрасте, чтобы начать обучение боевым искусствам, — неторопливо пояснил император.

Немного подумав, Цинчжоу понял намерение супруга и кивнул:

— Ты хочешь, чтобы их обучили?

— Хочу сделать из них теневых стражей.

Воин что-то подсчитал, что-то прикинул и через мгновение кивнул:

— Они сироты, у них нет обременения в виде семьи, им не нужно беспокоиться о братьях и сестрах. Они будут преданы тому, кто забрал их с улицы и озаботился их будущем. Это отличная идея.

— Мне тоже так показалось, — едва заметно улыбнулся монарх.

— Но зачем ты позволил забрать старух? Они не будут нам полезны.

— Да, они бесполезны в привычном понимании, но это не значит, что их нельзя использовать. Несколько чаш риса в день не самая большая трата, зато она поможет нам купить сердца этих детей.

Ши Цинчжоу обдумал слова супруга:

— И то верно, нищие собираются в группы. Если мы заберем только детей, у бедных стариков совсем никого не останется. Это, с какой стороны ни посмотри, жестоко.

— Именно, а я не помню, чтобы дворец испытывал недостатка в еде. Двор вполне способен прокормить несколько стариков. Кстати говоря, можно открыть отделения для обучения сирот в каждом городе. Старики и взрослые, у которых ничего не осталось, вполне могут стать их работниками.

— Это очень хороший план, — поджал губы генеральский сын, — но некоторые нищие более не способны работать.

Собственно, как иначе они могли стать нищими.

— Некоторые из приходящих в такие дома сирот будут слишком малы для обучения боевым искусствам, за ними будет нужен присмотр. Пока человек жив — он имеет ценность, а значит, может принести выгоду. Не вижу смысла беспокоиться о заведомо прибыльном начинании.

Ши Цинчжоу присел и долго смотрел на обдумывающего детали императора. Вид занятого возлюбленного вызывал улыбку воина.

— У Вашего Величества большое сердце. Это благословение для народа империи.

— В самом деле? — загорелись глаза Сяююаня. — Неужели ты так думаешь?

— Само собой, — улыбка генеральского сына стала шире.

Лун Сяююань, рассмеявшись, заключил супруга в объятия, а Ши Цинчжоу вдруг понял, что сказал именно то, что думал. Такой император в самом деле благословение всей нации.

Вечер императорская чета провела в мирных разговорах, а наутро отправилась в проблемный город Шуанхуа. Все дела с обустройством нищих были оставлены на теневых стражей вместе с инструкциями и прочими распоряжениями.

— Интересно, как идут дела в форте Тяньинь? — задумчиво пробормотал Ши Цинчжоу.

— Не волнуйся, Сюй Ю не дурак, кроме того, за ним присматривают теневые стражи. Не думаю, что в наше отсутствие у них возникли серьезные проблемы.

Ши Цинчжоу повернулся и пристально посмотрел на императора:

— Кажется, ты не слишком беспокоишься.

— Хах, не чтобы я совсем не волновался, но мне кажется, что сейчас мы контролируем ситуацию, а значит, удача должна остаться на нашей стороне.

— Не могу с этим спорить, — после некоторого раздумья, заключил Цинчжоу.

Император потянулся, обнял возлюбленного и усадил того, к себе на колени. Особой спешки

не было, поэтому император предпочел путешествие в крытой повозке. Как привыкший скорее к работе с бумагами, чем к военным походам человек, Сяюань всегда будет предпочитать повозку лошадям. Тем более что внутри импровизированной комнаты можно устроиться с большим комфортом. Сяюань не отказал себе в подушках и прочих маленьких прелестях своего положения.

Он прижал Цинчжоу к своей груди и вдруг понял, что императрица не сопротивляется. Император пошел дальше и аккуратно положил ладонь на крепкую талию возлюбленного, осторожно ее погладил.

Ресницы императрицы дрогнули. Цинчжоу почувствовал желание супруга и пусть ему немного стыдно заниматься такими вещами в повозке при свете дня, это не значит, что он против.

Сперва Лун Сяюань, пользуясь ситуацией, хотел лишь немного подразнить генеральского сына, ощутить тепло его тела, но теперь, когда Цинчжоу дал добро, сердце императора ускорило бег, а все посторонние мысли вылетели из головы.

Император опрокинул возлюбленного на подушки и впился в его губы нежным, но настойчивым поцелуем. Вскоре внутри повозки стало очень жарко.

<http://bllate.org/book/14215/1253531>